

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА УЗБЕКСКУЮ ПРОЗУ НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ КОЛОНИАЛЬНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сабиров Н.К.

Старший преподаватель кафедры русской филологии
Ферганского государственного университета

Киргизбоев Сардор

студент

Ферганского государственного университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.16948400>

Аннотация. Проблема исследования заключается в изучении влияния русской реалистической традиции на формирование узбекской прозы начала XX века в условиях колониального контекста, что способствовало заимствованию художественных приемов и последующему развитию национальной идентичности. Цель работы – проанализировать, как русские авторы (Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой) повлияли на узбекских писателей (Абдулла Кадыри, Абдурауф Фитрат), формируя нарративы социальной справедливости, и как эти заимствования трансформировались в самостоятельные литературные формы. В результате установлено, что русская реалистическая традиция стимулировала развитие новых жанров и мотивов в узбекской литературе, но местные авторы адаптировали их для выражения национального самосознания, преодолевая культурный империализм.

Ключевые слова: русская реалистическая традиция, узбекская проза, Абдулла Кадыри, Абдурауф Фитрат, колониализм, национальная идентичность, социальная справедливость, Гоголь, Толстой.

Русская реалистическая традиция XIX века, воплощенная в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других, оказала значительное влияние на развитие литератур народов Российской империи, включая Центральную Азию. В начале XX века узбекская проза, формировавшаяся в условиях колониального управления и последующей советской модернизации, активно взаимодействовала с русским литературным наследием. Как отмечает С. Мирзаев, узбекская литература этого периода развивалась под влиянием стремления к национальному прогрессу, интегрируя элементы русской культуры, но одновременно отстаивая собственную идентичность[1]. Это взаимодействие особенно заметно в работах Абдуллы Кадыри и Абдурауфа Фитрата, которые

заимствовали приемы реализма, характерные для Гоголя и Толстого, адаптируя их для отражения местных социальных и культурных реалий.

Исследование основано на сравнительно-историческом и компаративном подходах. В качестве материалов выбраны произведения Н.В. Гоголя («Мертвые души», «Шинель»), Л.Н. Толстого («Война и мир», «Смерть Ивана Ильича»), Абдуллы Кадыри («Прошедшие дни», «Скорпион из алтаря») и Абдурауфа Фитрата («Драмы», «Рассказы индийского путешественника»). Методология включает:

1. Текстуальный анализ для выявления мотивов социальной критики, психологизма и реалистических приемов.
2. Историко-культурный анализ для учета колониального и советского контекста.
3. Компаративный метод для сопоставления художественных приемов и тем.
4. Элементы постколониальной теории, в частности концепции Э. Саида об ориентализме и Х.К. Бхабха о культурной гибридности, для интерпретации процессов адаптации[2][3].

Дополнительно использованы архивные материалы и критические работы, включая исследования Э. Алворта и С. Клейнмихель, для анализа исторического контекста узбекской литературы[4][5].

Русская реалистическая традиция XIX века характеризуется рядом ключевых элементов, которые оказали влияние на узбекскую прозу. Во-первых, это социальный критицизм, направленный на разоблачение пороков общества. Н.В. Гоголь в «Мертвых душах» использует сатиру и гротеск для критики бюрократии и феодального уклада, подчеркивая абсурдность социальных отношений. В «Шинели» он вводит образ «маленького человека», чья трагедия отражает неравенство и отчуждение в урбанизированном обществе. Как отмечает В.Г. Белинский, Гоголь создал «социальный тип», который стал основой для последующих реалистических нарративов[6].

Во-вторых, Л.Н. Толстой в «Войне и мире» и «Смерти Ивана Ильича» развивает психологизм и этическую рефлексию, фокусируясь на внутреннем мире героев и их моральных поисках. Толстой поднимает вопросы социальной справедливости, особенно в изображении крестьянства и народных масс, что резонировало с джадидскими идеями в Центральной Азии. По словам Э. Алворта, русская литература XIX века

стала «культурным мостом» для реформаторов Центральной Азии, предоставив им инструменты для социальной критики[7].

Абдулла Кадыри, считающийся основоположником узбекского романа, активно использовал элементы русской реалистической традиции. Его роман «Прошедшие дни» (1926) отражает влияние Гоголя в изображении социальной несправедливости и феодального гнета. Главный герой, Атабек, сталкивается с моральными дилеммами, напоминая толстовских персонажей, таких как Иван Ильич, чья жизнь переосмысливается в контексте общественных норм. Как отмечает Т. Исмаилова, Кадыри адаптировал реализм для критики местных элит, используя фольклорные элементы для придания национального колорита[8].

В «Скорпионе из алтаря» Кадыри развивает мотивы социальной критики, заимствуя у Гоголя сатирическое изображение коррупции. Однако, в отличие от гоголевской сатиры, Кадыри фокусируется на колониальном контексте, где социальное неравенство осложняется внешним давлением. Его герои, такие как Юнус, представляют «маленького человека», чья борьба за справедливость отражает национальное самосознание. Это отличает Кадыри от русских авторов, чьи герои часто остаются в рамках индивидуального конфликта.

Абдурауф Фитрат, видный представитель джадидского движения, использовал реализм для продвижения реформистских идей. Его драмы, такие как «Абу Муслим», и проза, включая «Рассказы индийского путешественника», демонстрируют влияние Толстого в изображении народных масс как носителей исторического прогресса. Фитрат заимствовал у Гоголя сатирические приемы, критикуя колониальную администрацию и религиозный догматизм. Как указывает С. Клейнмихель, Фитрат «разорвал с традиционной поэтикой», интегрируя реалистические формы под влиянием русских и турецких литературных традиций[9].

Фитрат адаптировал заимствованные элементы, делая акцент на национальной идентичности. Например, в его драмах герои борются не только за личную свободу, но и за культурное возрождение узбекского народа. Это отличает его от Толстого, чьи этические поиски носят универсальный характер. Фитрат использует реализм как инструмент просвещения, что соответствует джадидским идеалам модернизации.

Сравнение показывает, что русская реалистическая традиция оказала влияние на узбекскую прозу через жанровые и тематические

заимствования. Кадыри и Фитрат переняли роман и драму как формы, а также мотивы социальной критики и психологизма. Однако они трансформировали эти элементы, интегрируя фольклор, религиозные мотивы и национальные темы. Как отмечает Х.К. Бхабха, такие процессы создают «гибридные» нарративы, где заимствованные формы наполняются местным содержанием[10].

В отличие от Гоголя и Толстого, чьи произведения фокусируются на универсальных или российских реалиях, узбекские авторы подчеркивали национальную специфику. Кадыри использовал реализм для изображения феодального уклада и колониального давления, а Фитрат – для продвижения реформ. Этот переход от колониального заимствования к национальной идентичности отражает стремление узбекских писателей к культурной автономии.

Колониальный контекст играл ключевую роль в этом взаимодействии. Русская администрация в Туркестане способствовала распространению русской литературы через образовательные учреждения и переводы. Джадидское движение, к которому принадлежал Фитрат, использовало эти ресурсы для развития национальной литературы. Как отмечает Н. Каримов, узбекская проза начала XX века формировалась в условиях «культурного диалога», где русское влияние сочеталось с местными традициями[11].

Советская модернизация усилила этот процесс, предоставив узбекским писателям доступ к новым литературным формам. Однако она также наложила идеологические ограничения, что заставило авторов искать способы выражения национального самосознания в рамках социалистического реализма. Кадыри и Фитрат успешно балансировали между этими требованиями, создавая произведения, которые сочетали реализм с национальными мотивами.

Полученные результаты подтверждают, что русская реалистическая традиция оказала значительное влияние на узбекскую прозу начала XX века, но в специфическом колониальном контексте. Заимствование жанров и мотивов позволило Кадыри и Фитрату создать новую литературную традицию, которая отражала социальные и национальные реалии. Как подчеркивает Э. Саид, такие процессы часто происходят в условиях «ориенталистского» восприятия, но узбекские авторы смогли преодолеть культурный империализм, создав гибридные нарративы[12].

Современная актуальность темы связана с продолжающимися дискуссиями о деколонизации и культурной идентичности в Центральной Азии. Исследование показывает, как узбекская литература начала XX века заложила основу для национального самосознания, что остается важным для постсоветских обществ. Сравнительный анализ также подчеркивает универсальность реалистической традиции, которая адаптируется к различным культурным контекстам.

Исследование ограничено анализом двух авторов с каждой стороны, что не охватывает все аспекты взаимодействия. Дальнейшие исследования могут включать других русских (например, Ф.М. Достоевского) и узбекских (например, Айбека) авторов, а также учитывать влияние других литературных традиций, таких как персидская или турецкая.

Будущие исследования могут сосредоточиться на анализе перевода русских текстов на узбекский язык и их роли в формировании литературных предпочтений. Также перспективным является изучение влияния социалистического реализма на узбекскую прозу середины XX века как продолжение ранних заимствований.

Русская реалистическая традиция XIX века, представленная Гоголем и Толстым, оказала глубокое влияние на узбекскую прозу начала XX века, способствуя введению новых жанров (роман, драма) и мотивов (социальная критика, психологизм). Абдулла Кадыри и Абдурауф Фитрат адаптировали эти элементы, интегрируя их с национальными фольклорными и реформистскими мотивами, что позволило сформировать нарративы социальной справедливости и национальной идентичности. Этот процесс от колониального заимствования к культурной автономии подчеркивает сложность литературного диалога в условиях империализма.

Список литературы:

1. Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература, 2010. С. 45.
2. Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. М.: Русский мир, 2006. С. 34.
3. Бхабха Х.К. Местонахождение культуры / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. С. 56.
4. Allworth E.A. Evading Reality: The Devices of Abdalrauf Fitrat, Modern Central Asian Reformist. Leiden: Brill, 2002. P. 20.

5. Kleinmichel S. Aufbruch aus orientalischen Dichtungstraditionen: Studien zur usbekischen Dramatik und Prosa zwischen 1910 und 1934. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. S. 104.
6. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. С. 270.
7. Allworth E.A. Evading Reality: The Devices of Abdalrauf Fitrat, Modern Central Asian Reformist. Leiden: Brill, 2002. P. 25.
8. Исмаилова Т. Analysis of the Work of Abdulla Qodiriy // Advanced methods of ensuring the quality of education: problems and solutions. 2025. P. 5.
9. Kleinmichel S. Aufbruch aus orientalischen Dichtungstraditionen: Studien zur usbekischen Dramatik und Prosa zwischen 1910 und 1934. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993. S. 110.
10. Бхабха Х.К. Местонахождение культуры / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. С. 89.
11. Каримов Н. Узбекская литература на рубеже XIX и XX веков. Ташкент: Фан, 1994. С. 120.
12. Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. М.: Русский мир, 2006. С. 78